

ПЕРЕВОД М.Н. МУРАВЬЕВЫМ ОДЫ 11 ПЕРВОЙ КНИГИ ГОРАЦИЯ «К ЛЕВКОНОЕ» (1776 г.)

Анализируется перевод М.Н. Муравьева оды Горация «К Левконое» (I, 11). Первоисточник и перевод сопоставляются в лексико-семантическом, синтаксическом и эмоциональном планах. Указываются достоинства перевода, выраженные в его близости по семантике и настроению произведению античного автора. Также отмечается вклад М.Н. Муравьева в развитие принципов горацианской философии в русской литературе. Опыт М.Н. Муравьева оказался плодотворным для самого поэта и для всей русской литературы XIX в.

Ключевые слова: перевод; римская поэзия; Гораций; русская литература XVIII в.; М.Н. Муравьев.

Среди античных авторов Гораций был самым популярным в России XVIII в. Его произведения переводили М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков и другие поэты, которых привлекали в творчестве римского автора виртуозность стиха и широта тематики. Однако, несмотря на популярность Горация, к оде 11 книги первой, адресованной Левконое, до М.Н. Муравьева не обращался ни один из переводчиков [1. С. 279]. Между тем эта ода является программной, одной из самых известных в творчестве Горация. В ней античный автор высказывает свой главный философский жизненный принцип: «Carpe diem!» (Лови день!), т.е. радуйся тому, что имеешь, пользуйся каждым подаренным тебе моментом жизни и не загадывай о будущем. Этот основополагающий принцип философии Эпикура (IV–III вв. до н.э.), который был очень популярен в Риме эпохи Августа, стал близок Горацию, т.к. в ней он нашел рецепт личного счастья, утешения в жизненных бурях.

Все филологи-классики (М.Л. Гаспаров, И.М. Тронский, В.Г. Борухович, В.С. Дуров и др.) отмечают развитие в творчестве Горация темы довольства малым, скромности запросов, свободы от излишних желаний, что в итоге дает человеку мир, душевный покой и внутреннюю свободу. Так, И.М. Тронский, делая обзор поэзии Горация, выделяет группу «увещательных» стихотворений, лирику размышления: «Из слияния гномического фонда древнегреческой поэзии с установками эпикурейской философии получается своеобразное сочетание, которое вошло в века в качестве «горацианской мудрости» [2. С. 405]. В.Г. Борухович относит оду 11 к группе философских, в ней, по выражению итальянского исследователя Э. Касторины, «заключен весь Гораций» [3. С. 283]. И все ученые отмечают, что лишь от одного лирический герой Горация не может быть независимым – это смерть. Так, М.Л. Гаспаров, называя оду «К Левконое» наряду с одой «К Талиарху» самым популярным стихотворением античного автора, замечает, что «<...> мысль о смерти тревожит Горация <...> часто и <...> неотступно <...> Чтобы уберечься от давящих мыслей о смерти, есть лишь один выход: жить сегодняшним днем, не задумываться о будущем, ничего не откладывать на завтра, чтобы внезапная смерть не отняла у человека отложенное» [4. С. 177–178]. Таким образом, повторяющаяся тема неизбежности смерти связана у Горация с призывом наслаждаться быстротечной жизнью, ее радостями, которые перед лицом грядущего конца так ценны.

Такая философская позиция и привлекла уже тогда склонного к сентиментализму М.Н. Муравьева, т.к.

жизненные установки Горация были созвучны его пониманию истинной мудрости существования. М.Н. Муравьев нашел в Горации близкое ему руссоистское представление о гармоничном человеке, живущем в согласии с собой и природой. Об этом свидетельствует творчество самого М.Н. Муравьева этого периода: к 1776 г. им был написан целый ряд произведений, сходных по тематике с одой «К Левконое» («Скоротечность жизни», «Неизвестность жизни», «Время», «Эпистола»).

В «Эпистоле» 1774 г., затрагивая тему предназначения человека, М.Н. Муравьев говорит о настоящей свободе: она в умении подчиниться судьбе и оценить саму жизнь:

Но тот, кто властвовать умеет над собою,
Один свободен тот. Не спорит он с судьбою,
Но всюду следует призванию ея
И знает, живучи, всю цену жития

[5. С. 114].

Идеям Горация созвучно и стихотворение «Скоротечность жизни» (1775 г.). В нем М.Н. Муравьев с истинной мудростью размышляет о быстром ходе времени, о неизбежности старости и как следствие этого – о краткости человеческой жизни. Автор призывает не расточать ее напрасно, не жить пустыми надеждами и мечтаниями, а наслаждаться счастьем здесь и сейчас:

Ах! живи, не медля мало,
Половина – дел начало,
И ты времени не верь

[5. С. 117].

Та же мысль является главной и в стихотворении «Время» (1775 г.): в стремительном беге времени необходимо ценить все, что тебе дарует жизнь:

Все года времени имеют наслажденья:
Во всяком возрасте есть счастье свое.
Но мудрости есть верх искусство соблюденья
Утеш на житие

[5. С. 137].

Тема стихотворения «Неизвестность жизни» (1775 г.) заявлена в названии: никто не знает, что его ждет в будущем, смерть в любой момент может нарушить планы любого:

Необходимый час, безвестный, безвозвратный, –
Кто знает, далеко ль от каждого из нас?
Как вихрь, что, убежав из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит,
Так смерть нечаянно разрушит наши меры
И в безопасности заснувших поразит

[5. С. 128].

Заканчивается произведение философским выводом в духе Горация: жить нужно, всегда помня о краткости

человеческого существования, во всем полагаясь на волю Бога:

На долгий жизни ток отнюдь не полагайся,
О смертный! Вышнему надежды поручив
И помня краткость дней, от гордости чуждайся.
Ты по земле пройдешь – там будешь вечно жить
[5. С. 128].

Целью данной работы является исследование поэтики перевода М.Н. Муравьева оды 11 Горация, выяв-

ление особенностей творческого освоения поэтом XVIII в. лирики античного автора.

Ода 11 книги первой написана римским поэтом в форме обращения к женщине по имени Левконоя. В небольшом по объему, но глубоком по содержанию произведении Гораций говорит о смирении перед неизбежным, о предначертанности будущего и об умении довольствоваться своим положением:

<i>Текст оды Горация</i>	<i>Подстрочный перевод</i>	<i>Перевод М.Н. Муравьева</i>
<p>Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi Finem di dederint, Leuconoe, nec Babylonios Temptaris numeros. Ut melius, quidquid erit, pati, Seu plures hiemes, seu tribuit Iuppiter ultimam, Quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare Tyrrhenum: sapias, vina liques et spatio brevi Spem longam reseces. Dum loquimur, fugerit invida Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero</p> <p>[6. С. 20]</p>	<p>Ты не спрашивай, знать нельзя, какой мне, какой тебе Конец боги дали, Левконоя, и на вавилонских Не гадай числах. Поскольку лучше, что бы ни случилось, переносить, Многие ли зимы, или предоставил Юпитер последнюю, Которая теперь прибрежными скалами обессиливает море Тирренское: будь мудрым, вина цеди и промежутком коротким Надежду долгую ограничивай. Пока мы говорим, убежит ненавистное Время: лови день, как можно меньше верящая следующему</p>	<p>Брегись, вопреки людской судьбины, Предел испытывать кончины И о предбудущем гадать; Пусть проживешь ты годы многи Иль днесь твои скосятся ноги – Умей терпеть и ожидать. Меж тем вина исполни чашу И, видя жизнь толь кратку нашу, Надежду горду пресекай; Мы говорим, а время мчится, Что было – то не прилучится, Что есть – того не упускай [5. С. 265]</p>
<p>Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi Finem di dederint, Leuconoe, nec Babylonios Temptaris numeros</p>	<p>Ты не спрашивай, знать грешно, какой мне, какой тебе Конец боги дали, Левконоя, и на вавилонских Не гадай числах</p>	<p>Брегись, вопреки людской судьбины, Предел испытывать кончины И о предбудущем гадать; Пусть проживешь ты годы многи Иль днесь твои скосятся ноги – Умей терпеть и ожидать</p>

В данном тексте, являющемся началом оды, Гораций, обращаясь к Левконое, сразу заявляет о своих жизненных принципах: загадывать о будущем грешно, существование человека находится в руках богов. Смысл этого положения в переводе отражается, но с помощью оригинальных авторских лексических и синтаксических средств. М.Н. Муравьев опускает обращение к конкретному лицу (Левконое), что снижает интимное, лирическое начало, характерное для оды Горация, но придает всему стихотворению М.Н. Муравьева обобщенный смысл, по-видимому, это продиктовано необходимостью для автора подняться на философский, общечеловеческий уровень. В этом заметно влияние классицистических традиций на молодого поэта. Однако форма послания в тексте остается. Переданная глаголами повелительного наклонения *брегись, умей*, личным местоимением *ты*, она способствует активизации читательского внимания, возникновению эффекта сопричастности. Божественная предначертанность людской судьбы (*scire nefas, quem mihi, quem tibi // Finem di dederint* «знать грешно, какой мне, какой тебе // Конец боги дали») выражена семантически близко первоисточнику: глагол *брегись*, предлог *вопреки* обозначают тему запретности гадания о будущем, идея конечности человеческой жизни вво-

дится прямолинейным *предел испытывать кончины*. Далее в переводе М.Н. Муравьев еще более свободен, он развивает пожелание Горация *nec Babylonios // Temptaris numeros* «и на вавилонских // Не гадай на числах» (исчисления вавилонских астрологов), превращая его в целое рассуждение о возможных вариантах существования: *пусть проживешь ты годы многи // Иль днесь твои скосятся ноги*. Заметно, что М.Н. Муравьев при переводе убирает характерный для Горация прием использования исторических деталей (вавилонскими числами называли счетные таблицы, используемые вавилонскими жрецами-халдеями, которые, как думали, владели искусством по положению звезд предсказывать будущее), чтобы подчеркнуть внеисторическую, вневременную суть своего произведения, выходя тем самым на универсальный, общечеловеческий уровень. Заканчивается этот отрывок оды у М.Н. Муравьева отсутствующим, но читающимся между строк первоисточника выводом: *умей терпеть и ожидать*. Поэту в русле традиций классицизма важно выделить мысль, один из главных философских принципов жизни античного автора: необходимо принимать все, что тебе дано, безропотно. С помощью более свободного и вместе с тем более подробного толкования строк Горация переводчик

делает свой текст семантически и эмоционально близким к оригиналу, при этом еще более широко и универсально истолковав нравственно-философские

принципы Горация. Это достигается путем исключения из текста конкретно-исторических античных реалий и расширения лаконичных строк Горация.

<i>Текст оды Горация</i>	<i>Подстрочный перевод</i>	<i>Перевод М.Н. Муравьева</i>
Ut melius, quidquid erit, pati, Seu plures hiemes, seu tribuit Iuppiter ultimam,	Поскольку лучше, что бы ни случилось, переносить, Многие ли зимы, или предоставил Юпитер последнюю,	Меж тем вина исполни чашу И, видя жизнь толь кратку нашу, Надежду горду пресекай
Quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare Tyrrhenum: sapias, vina liques et spatio brevi Spem longam reseces	Которая теперь прибрежными скалами обессиливает море Тирренское: будь мудрым, вина цеди и промежутком коротким Надежду долгую ограничивай	

В этих строчках Гораций говорит о необходимости терпения, смирения с судьбой, критериях мудрости в жизни. По его мнению, все испытания нужно спокойно сносить и предпочитать призрачным надеждам радость простого каждодневного существования. Семантический план первоисточника передан М.Н. Муравьевым лишь частично: он делает акцент только на мудрой безмятежности жизни, опуская начальные строки отрывка (Ut melius, quidquid erit, pati, // Seu plures hiemes, seu tribuit Iuppiter ultimam, // Quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare // Tyrrhenum: «Поскольку лучше, что бы ни случилось, переносить, // Многие ли зимы, или предоставил Юпитер последнюю, // Которая теперь прибрежными скалами обессиливает море // Тирренское». Их смысл в какой-то мере был уже отражен им в предыдущей строфе. М.Н. Муравьеву не важна географическая и мифологическая конкретика Горация, он адаптирует текст римского поэта для русского читателя, поэтому в его переводе не нашли отражения такие детали античной оды, как название моря (Тирренское), упоминание верховного римского божества (Юпитер). Это ведет к потере художественной пластичности и образности произведения М.Н. Муравьева, к значительной разни-

це в объеме и синтаксическом построении оды Горация и текста перевода: придаточное предложение первоисточника заменено на более сжатый деепричастный оборот, не нашла отражения активно используемая римским поэтом инверсия. Здесь заметна характерная черта классицизма: установка в первую очередь на передачу важной мысли. Момент краткости земного существования выражается у М.Н. Муравьева лексически близко к оригиналу: *жизнь толь кратку нашу* (у Горация – spatio brevi «промежутком коротким»), пожелание *пресекай* в переводе тождественно *reseces* «ограничивай» первоисточника, а слову *надежда* М.Н. Муравьев дает совершенно иной эпитет, тем самым выделив его: у римского поэта longam «долгую», в переводе – *горду*. Такая замена подчеркивает понимание М.Н. Муравьевым, носителем христианского сознания (в отличие от язычника Горация), греховности гордости, в строках перевода акцентируется упрек тем, кто, не желая смириться с настоящим, осмеливается загадывать надолго вперед, ставя себя тем самым выше бога. Однако в переводе не нашло отражения прямое заявление Горация sapias «будь мудрым», которое все же семантически у М.Н. Муравьева прочитывается.

<i>Текст оды Горация</i>	<i>Подстрочный перевод</i>	<i>Перевод М.Н. Муравьева</i>
Dum loquimur, fugerit invida Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero	Пока мы говорим, убежит ненавистное Время: лови день, как можно меньше верящая следующему	Мы говорим, а время мчится, Что было – то не прилучится, Что есть – того не упусти

В конце оды Гораций заявляет о скоротечности времени и поэтому призывает жить сегодняшним днем, не думая о будущем. Первая строка перевода практически тождественна оригиналу (у Горация Dum loquimur «пока мы говорим», у М.Н. Муравьева – *мы говорим*), союз dum «пока», призванный противопоставить жизнь человека и бегущее время, передан М.Н. Муравьевым союзом *а*, выполняющим эту функцию, глагол, характеризующий стремительное течение времени fugerit «убежит», заменяется на эквивалентный в данном контексте и более яркий *мчится*. Однако остается без внимания в переводе красочный оценочный эпитет Горация к существительному aetas «время» – оно названо invida «ненавистное», т.к. с его бегом укорачивается человеческая жизнь, и это невыносимо для Горация, умеющего жить по философским

принципам умеренности во всем, но не имеющего власти над единственной силой – смертью. М.Н. Муравьев же с истинно христианским смирением принимает законы жизни – все во власти бога, в том числе и сроки жизни людей, поэтому человек не имеет права роптать. Последняя фраза античного поэта, ставшая крылатой, выражена М.Н. Муравьевым лексически и семантически вольно при сохранении общего смысла, настроения концовки. Соответствия строчке перевода *Что было – то не прилучится* в первоисточнике нет, однако вывод Горация carpe diem «лови день» находит отражение в заключительных словах стихотворения М.Н. Муравьева: *Что есть – того не упусти*.

Таким образом, перевод М.Н. Муравьевым оды 11 Горация демонстрирует близость к оригиналу на се-

мантического и эмоциональном уровнях и расхождение в лексическом и синтаксическом планах. Лексические отличия произведений объясняются, по-видимому, переводческой установкой М.Н. Муравьева, которому было необходимо расставить собственные акценты, обусловленные литературной, философской, религиозной позицией автора. Сюда можно отнести христианизацию перевода на лексическом уровне, что привело к потере исключительно римского, античного колорита оды Горация, за счет этого стихотворение М.Н. Муравьева приобрело универсальное, философское обобщение. Синтаксические расхождения произведений возникают, очевидно, из-за желания русского поэта в традициях классицизма четко выразить, расширить, дополнить основные положения философии римского автора, отсюда и разница в объемах: ода Горация состоит из двух строф по четыре стиха, а перевод – из двух строф по шесть стихов. Ритмическая разница обусловлена, естественно, разными размерами произведений. Ода Горация написана большим асклепиадовым стихом, ритмику которого невозможно передать средствами русского языка, однако четырехстопный ямб, использованный М.Н. Муравьевым, удачно отражает смысловые акценты оригинала. Рифмовка каждой строфы, в которой сочетаются смежная и охватная рифмы (ааЬсЬЬ),

как бы делит ее на две одинаковые с ритмической точки зрения части, выделяя семантические акценты – «не гадай», «терпи и жди», «не надейся», «живи днем». Введенные М.Н. Муравьевым старославянизмы и архаичные формы слов (*брегись, вопреки, днесь, многи, кратку, горду*) придают тексту высокое, торжественное, плавное звучание, схожее по тональности с одой Горация. Показательно отсутствие в переводе обращения к женщине, что ведет к исключению ее незримого образа из всей ткани произведения М.Н. Муравьева. По-видимому, автору более важно передать не чувства, а в традициях эстетики классицизма – основную мысль античного автора. Близость же перевода к оригиналу, выраженная в передаче настроения оды, общего семантического плана, мотивов и образов объясняется созвучностью философско-нравственных принципов Горация внутренним потребностям М.Н. Муравьева, который к 1776 г. воспринимает и усваивает многое из творческого и философского наследия античного автора. Перевод оды 11 «К Левконое» и сделанный в этом же году перевод сходной по тематике оды 9 «К Талиарху», как и дальнейшее творчество самого М.Н. Муравьева, демонстрируют обращение поэта на протяжении всей жизни к теме смысла человеческого существования, истинной мудрости бытия, главных жизненных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.*: Библиографический указатель. СПб., 1998.
2. *Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1951.
3. *Борухович В.Г.* Квинт Гораций Флакк. Саратов, 1993.
4. *Гаспаров М.Л.* Гораций, или Золото середины // Гаспаров М.Л. Об античной поэзии. СПб., 2000.
5. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л., 1967.
6. *Квинт Гораций Флакк.* Избранные произведения (оды, эподы, сатиры). М., 1947.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 ноября 2009 г.